
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Фролов Даниил Петрович,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и рекламы Волгоградского государственного университета; ecodev@mail.ru

Стратулат Владлен Георгиевич,

аспирант кафедры маркетинга и рекламы Волгоградского государственного университета; marketech@volsu.ru

В данной статье анализируются возможности применения институционального подхода в теории и практике регулирования теневой экономики. Обоснована объективная взаимодополняемость формальных и неформальных институтов. Выявлена ограниченность концепции оппортунизма в анализе теневых моделей поведения и показана реалистичность теории институциональных «ловушек».

Ключевые слова: институты, теневая экономика, институциональные «ловушки», коррупция, оппортунизм.

В условиях мирового экономического кризиса внимание ученых все чаще смещается на институты и институциональные механизмы, регулирующие хозяйственную жизнь общества и определяющие ее допустимые рамки. Этому способствовало присуждение Нобелевской премии по экономике 2009 г. институционалистам О. Уильямсону и Э. Остром. Особую практическую актуальность приобретает использование институционального подхода в анализе и регулировании теневой экономики и таких ее составляющих, как экономическая преступность и коррупция. По данным МВД РФ, ущерб от преступлений в сфере экономики в 2009 г. превысил 1 трлн. руб. и увеличился по сравнению с аналогичным показателем предыдущего года на 745%. Следовательно, кризис стал импульсом формирования новых институциональных рамок поведения субъектов теневых отношений, что требует анализа на основе методологии институционализма [10].

Неэффективность преобладающего в настоящее время неоклассического подхода к изучению теневой экономики связана с использованием принципов индивидуализма и максимизации полезности. Поведение агентов рассматривается как абсолютно рациональное. Институты выводятся за

рамки анализа и полагаются в качестве констант экономического выбора. Слабо учитывается реальное переплетение теневых и легальных видов деятельности. Но это не означает, что от неоклассического подхода следует полностью отказаться, как это часто обосновывается радикальными институционалистами. На наш взгляд, неоклассический подход эффективен для анализа теневой экономики в развитых странах со стабильной правовой средой, а институционализм – для изучения теневых процессов в переходных экономиках.

Хотя институциональное направление имеет длительную историю, внимание к теневой экономике у его представителей росло постепенно. Следует отметить, что методологические основы институционального анализа теневых процессов и явлений были заложены еще в конце XIX в. В классических работах Т. Веблена, который определял институты как «словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы и превратился для народа в обычай» [2, с. 6]. Таким образом, под институтами фактически понимались неформальные социальные нормы и обычаи, многие из которых объективно относятся к теневой составляющей хозяйственной деятельности. Впоследствии эту идею четко сформулировал Д. Норт: «Институты включают в себя все формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям... Они бывают и формальными, и неформальными» [6, с. 18]. В нашей трактовке теневые институты – это исторически сложившиеся, устойчивые, сложные модели осуществления теневой деятельности, интегрированные в систему неформальных и криминальных правил, норм, ценностей и практик поведения. Заметим, что неформальные институты, с одной стороны, являются основой развития формальных правил и моделей поведения, а, с другой, – выступают своего рода «компенсаторами» неэффективных формальных институтов, дополняя нормативно-правовую систему.

Именно с этими методологическими «установками» связана, на наш взгляд, высокая реалистичность институционального представления теневой экономики. Например, коррупция в современной России по существу является сложным институциональным механизмом компенсации дисфункций системы формальных институтов. С позиций институционализма первичной должна быть не борьба с конкретными формами проявления коррупции, а комплексное устранение ее причин, включая ревизию экономического законодательства. В частности, необходима модернизация большинства норм Уголовного кодекса РФ, связанных с ответственностью за экономические преступления.

Необходимо учитывать, что правовая формализация – догоняющий процесс по отношению к развитию экономических отношений, это завершающая стадия их институционализации. Поэтому юридические

конструкции выступают как правовые формы уже сложившихся социально-экономических институтов. Совершенно четкую институциональную позицию отстаивает председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ А. Бастрыкин, считающий, что во время разработки и принятия УК РФ «множество из существующих ныне экономических институтов были в стадии зарождения или вообще еще не существовали... Значит, надо поправить уголовный закон, привести его в соответствие с современными реалиями. Причем этот процесс должен идти параллельно с модернизацией институтов экономики» [4]. Устранение противоречий в хозяйственном праве должно сопровождаться повышением заработной платы работников сферы государственного управления и внедрением системы сбалансированных показателей оценки эффективности их деятельности. Без устранения глубинных причин коррупции в разных сферах жизнедеятельности она будет воспроизводиться все в новых и новых институциональных формах, несмотря на усилия государства. Так, федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ, направленный на сокращение коррупции в сфере госзакупок и экономию бюджетных средств, на практике привел к активному развитию теневых «схем» и многомиллионным нарушениям, чем и вызваны бесконечные многочисленные поправки. Очевидна необходимость научной экспертизы всех законопроектов в сфере экономики на предмет их «взяткоемкости» (коррупционного потенциала).

До сих пор «экономический анализ преступности начинается с предположения о том, что решение стать преступником является рациональным, подобно решению выбрать любую другую профессию» [9, с. 460]. Тем самым общество и государство полагаются в качестве нейтральной внешней среды индивидуальных действий, а ответственность за правонарушения полностью переносится на их субъектов как лиц, принимающих исключительно рациональные решения. Такой подход вполне соответствует индивидуалистическим ценностям англосаксонской культуры и неоклассической концепции «рационального преступника», но дает крайне однобокое, ущербное представление о реальности.

Следует различать случайные, регулярные и постоянные формы преступной деятельности. По справедливому замечанию исследователей, «далеко не все преступления являются результатом обдуманых и спланированных действий. В частности, они могут совершаться по неосторожности или по идейным (иногда нам неведомым) соображениям» [11, с. 46]. Сугубо рациональные мотивы превалируют в регулярно или постоянно осуществляемых противозаконных действиях, но только в последнем случае решение стать преступником, действительно, можно сравнить с выбором профессии. Нельзя согласиться с тем, что этот выбор связан лишь с индивидуальным решением и свободен от влияния социальной среды. Скорее, наоборот: преступность – продукт реального общества, отражающий качество и зрелость его институтов. Если решение стать преступником и можно считать рациональным, то корректнее было бы говорить о

вмененной рациональности, поскольку именно общество так или иначе создает необходимые и достаточные условия совершения правонарушений. Вмененная рациональность – это модель осознанного и целесообразного поведения индивида, навязанная ему институциональной средой. Поэтому использование теневой «схемотехники» российскими предпринимателями рационально в том смысле, что является нормой для бизнеса в условиях «нечетких институтов» [1]. Невозможно согласиться с определением экономической преступности как комплекса институциональных девиаций [3, с. 17 – 18], поскольку широко распространенные в обществе девиации объективно становятся нормами, хотя и противоречат установленным законом правилам.

Важным этапом развития институциональной теории теневой экономики и, в частности, коррупции, стало обоснование О. Уильямсоном концепции оппортунистического поведения. Оппортунизм представляет собой «преследование личного интереса с использованием коварства. Подобное поведение включает, но едва ли ограничивается, такими явными формами, как ложь, воровство и мошенничество. Намного чаще под оппортунизмом подразумеваются более тонкие формы обмана» [13, с. 47]. Оппортунистические действия и модели недобросовестного поведения составляют содержание теневой экономики. Вместе с тем, без нарушений установленных правил и норм не может быть и их развития. Ведь массовые нарушения зачастую свидетельствуют о неэффективности норм закона, что является импульсом для их пересмотра и доработки. Так, многообразие способов ухода от налогообложения сигнализирует не столько о врожденном «синдроме оппортунизма» российских предпринимателей, сколько о неадекватности уровня налогов реальным возможностям бизнеса.

В свою очередь, коррупция как специфическая форма оппортунизма наиболее часто связана с монопольным закреплением разрешительных функций за чиновниками и государственными органами, а также с недостаточностью общественного контроля. Следовало бы отказаться от неоклассического представления коррупции как совокупного результата индивидуальных действий государственных служащих, связанных с поиском ренты в области своих компетенций. Коррупция – это институциональный процесс, который нельзя рассматривать вне сложившейся и развивающейся системы социально-экономических институтов. «Непрозрачность» госрасходов и отсутствие реальной общественной экспертизы законов идут вразрез с задачей формирования гражданского общества и создают благоприятные условия для развития коррупционных «схем». Масштабы коррупции и теневого посредничества можно значительно сократить путем внедрения рыночных принципов в работу госучреждений: в частности, было бы правильно легализовать практику оплаты услуг сбора и правильного оформления документов, а также дополнительных платежей за срочность рассмотрения вопросов.

Согласно неоклассическому подходу, «равновесный объем преступности»

формируется в процессе своеобразной конкуренции правонарушителей и защитников правопорядка [12]. Однако, распространяя на анализ экономической преступности философский принцип взаимоперехода субъекта и объекта, можно прийти к выводу, что длительное взаимодействие правоохранительных и криминальных институтов эволюционно ведет к пересечению и постепенному сращиванию их интересов. Не случайно именно правоохранительная сфера является в России наиболее коррумпированной: в 2008 г. к уголовной ответственности было привлечено 3329 чел., тогда как в сфере здравоохранения – 433 чел., в сфере образования – 378 чел. [8]. Этим обусловлена целесообразность расширения «игровой» модели институциональной системы Д. Норта [6] путем введения в нее «арбитров» наряду с «игроками» и «правилами игры». В качестве экономических «арбитров» в нашей стране выступают многочисленные контролирующие институты и их территориальные органы – Генеральная прокуратура РФ, МВД, Федеральная служба безопасности, Федеральное казначейство, Роспотребнадзор, Государственная противопожарная служба, Федеральная налоговая служба, Росприроднадзор, Федеральная антимонопольная служба и др. Все они в различной степени охвачены теневыми отношениями и коррумпированы.

Трудно объяснить лишь аргументами неоклассической теории решение Президента РФ Д. Медведева (февраль 2010 г.) о дальнейшей гуманизации санкций за экономические преступления, в частности, расширение практики внесения залога и подписки о невыезде вместо ареста. По сути, импульсом принятия этого решения является глубокое несовершенство институциональной среды бизнеса: «...то, что я предлагаю, позволит хотя бы частично заблокировать возможность для коррумпированных сотрудников правоохранительных органов использовать посадки в тюрьму в рейдерских целях» [5]. Сомнительно, что лишь влиянием кризиса обусловлен и рост ущерба от экономической преступности в России за 2009 г. на колоссальную величину – 745%. Не менее значимую роль сыграла институциональная причинность, связанная с резкой общественной критикой МВД, что стимулировало активизацию мониторинговых и карательных функций этого ведомства.

Для адекватного понимания теневой экономики большое значение имеет развитая В. Полтеровичем теория институциональных «ловушек». Этот термин используется для обозначения неэффективного равновесия, «в котором агенты выбрали норму поведения, не эффективную по сравнению с другой нормой, также являющейся равновесной при тех же внешних условиях» [7, с. 7]. Применительно к теневой экономике речь идет об устойчивом предпочтении хозяйствующими субъектами неформальных норм формальным правилам. В результате возникает теневое институциональное равновесие – компромисс интересов экономических субъектов в отношении скрытого от государства использования определенного институционального механизма и его отдельных элементов (норм, правил, процедур

и т.п.). Главная проблема состоит в том, что институциональные «ловушки» порождаются массовостью использования теневых норм и моделей поведения, в связи с чем новые субъекты экономики фактически лишаются возможности выбора в пользу формальных правил. Российские предприниматели дают взятки и не платят налоги поскольку так поступают и все их конкуренты, следовательно, законопослушное поведение ведет к снижению конкурентоспособности. Поэтому важнейшей задачей государства является недопущение массового распространения новых теневых институтов, что требует развитых технологий мониторинга и научного анализа теневой экономики, а также быстрой законодательной реакции для устранения недостатков действующих правовых норм.

Выделим наиболее общие институциональные принципы сокращения масштабов теневой экономики и экономической преступности:

– исходным пунктом разработки механизмов борьбы с теневой экономикой должно быть определение глубинных, неявных и скрытых причин возникновения тех или иных теневых институций, а также максимально корректная идентификация их масштабов и взаимозависимости;

– ликвидация теневых агентов и целых организаций не ведет автоматически к уничтожению теневых институтов, поэтому объектом управляющих воздействий должно быть содержание теневых явлений, а не конкретные внешние формы их проявления;

– типичная ошибка состоит в попытке урегулировать тот или иной теневой институт путем создания дополнительной к нему контролирующей структуры, инстанции или органа, результатом чего обычно становится их «теневое сращивание», лишь повышающее транзакционные издержки в экономике;

– противодействие экономической преступности и, в частности, коррупции должно быть связано не столько с ужесточением или смягчением санкций, сколько с выявлением и ликвидацией «пробелов» в формальных нормах и процедурах путем легализации эффективных теневых способов минимизации транзакционных издержек хозяйственной деятельности;

– наиболее простым способом сужения теневого сектора хозяйства является увеличение количества источников и повышение мощности мониторинга, в том числе с использованием институтов общественного контроля, особенно Интернет-сообщества;

– целесообразно широкое внедрение рыночных принципов в деятельность госучреждений с целью легализации практики административного посредничества и внутреннего «подрыва» основ коррупции;

– для снижения транзакционных издержек предпринимательской деятельности ex ante (на «входе») наиболее эффективны такие регулятивные методы, как радикальное сужение монопольных разрешительных функций и упрощение согласовательных процедур в целях минимизации издержек бизнеса;

– для минимизации трансакционных издержек ex post (на «выходе») перспективны такие шаги, как создание эффективного механизма урегулирования споров между бизнесом и контролирующими органами, а так-же системы предварительного информирования предпринимательского сообщества об институциональных инициативах;

– в связи с закономерностью эволюционного сращивания интересов правонарушителей и контролирующих структур перспективно использование механизма ротации (кадров в рамках контролирующих структур, функций мониторинга и контроля между разными ведомствами);

– усиление освещения теневой экономики требует развития научно обоснованных технологий визуализации (методики исчисления теневых процессов, варианты детализации управленческой отчетности и т.д.);

– следует учитывать, что усиление освещенности экономического пространства может привести к повышению непрозрачности хозяйственных субъектов, а новые методы и инструменты мониторинга неизбежно порождают инновационные теневые технологии.

Анализ институциональных концепций, связанных с теневой экономикой, показывает их очевидную практическую ориентацию и высокий потенциал для решения задач борьбы с коррупцией и экономической преступностью. Внедрение идей институционализма в практику деятельности законодательных и правоохранительных органов будет означать отказ от простых и прямолинейных, но неэффективных решений и методов. Становится необходимым системное решение проблем в теневой сфере хозяйствования с учетом возможности возникновения многочисленных противоречий, эффектов и «ловушек». Дальнейшее развитие теоретической базы институционального анализа теневой экономики позволит повысить реализм и эффективность государственной политики ее регулирования.

Список источников

1. Балацкий, Е. Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия [текст] / Е. Балацкий // Общество и экономика. – 2007. – № 5 – 6. – С. 37-54.

2. Веблен, Т. Теория праздного класса [текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

3. Гриценко, С.А. Экономические преступления как институциональные девиации [текст] / С.А. Гриценко // Научные труды ДонНТУ. Серия экономическая. – [2007]. – Вып. 31-3. – С. 17-21.

4. МВД: из-за экономических преступлений Россия потеряла триллион рублей [электронный ресурс]. – [2010]. – URL: <http://www.newsru.com/russia/27jan2010/economic.html>.

5. Медведев предлагает смягчить наказания за экономические преступления [электронный ресурс]. – [2010]. – URL: <http://www.newsru.com/finance/26feb2010/medvedev.html>.

6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [текст] / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

7. Полтерович, В.М. Предисловие редактора [текст] / В.М. Полтерович // Попов Е.В., Лесных В.В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки / под ред. В.М. Полтеровича. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 458 с. – С. 7-9.

8. Рост милицейской преступности составил почти 20 процентов [электронный ресурс]. – [2009]. – URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/FSB/m.154737.html>.

9. Фридмен, Д. Право и экономическая теория [текст] / Д. Фридмен // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена / Науч. ред. чл.-корр. РАН В.С. Автономов. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 931 с.

10. Фролов, Д. Анализ теневой экономики: институциональный подход [текст] / Д. Фролов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 65–71.

11. Цуриков, А. Экономический подход к анализу корыстных преступлений [текст] / А. Цуриков, В. Цуриков // Вопросы экономики. – 2007. – № 1. – С. 45-54.

12. Becker, G. Crime and Punishment: An Economic Approach / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. – № 2. – P. 169-217.

13. Williamson, O.E. The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting / O.E. Williamson. – New York ; London: Free Press, 1985. – 450 p.

INSTITUTIONAL PARADIGM OF THE ANALYSIS OF ECONOMIC CRIMINALITY AND SHADOW ECONOMY

Frolov Daniil Petrovich,

Dr. Sc. of Economy, Professor, Chief of the Chair of Marketing and Advertising of Volgograd State University; ecodev@mail.ru

Stratulat Vladlen Georgievich,

Post-graduate student of the Chair of Marketing and Advertising of Volgograd State University; marketech@volsu.ru

In the article possibilities of application of the institutional approach in the theory and practice of regulation of shadow economy are analyzed. Objective complementarity of formal and informal institutes is proved. Limitation of the concept of opportunism in the analysis of shadow models of behavior is revealed and realness of the theory of institutional "traps" is shown.

Keywords: institutes, shadow economy, institutional "traps", corruption, opportunism.